

Н. В. Перцов

К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных

В предлагаемых читателю заметках собран материал, вызванный к жизни, во-первых, знакомством автора с рядом (относительно) недавних публикаций по семантике русского языка и, во-вторых, постоянным его, автора, обращением к сайту Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>; далее сокращенно НКРЯ), открытому в апреле 2004 г. Нужно сказать, что очень часто встречающиеся в такого рода публикациях утверждения по поводу приемлемости / неприемлемости тех или иных русских выражений или сочетаемости тех или иных классов единиц в русском тексте противоречат данным, извлекаемым из материала упомянутого сайта.

В данной связи автору хотелось бы вспомнить один эпизод на презентации сайта, состоявшейся в Институте русского языка РАН 15 июня 2004 г. Один из его главных создателей В.А. Плунгян во вступительном докладе сказал нечто весьма важное и справедливое: после открытия сайта к двум важнейшим источникам сведений о языке – словарю и грамматике – должен быть присоединен третий источник – корпус текстов на этом языке. В самом деле, ни один словарь и ни одна грамматика не может учесть всё разнообразие языковых возможностей. Язык неисчерпаем, он находится в процессе постоянного изменения и обновления; появляются новые слова, новые языковые клише; у имеющихся слов возникают новые значения; уходят на периферию языка и речи те или иные слова или значения слов, те или иные конструкции; распространенные некогда, а потом ушедшие на задний план явления могут возрождаться в языке. Ни грамматики, ни словари не могут поспевать за этим процессом языкового обновления, и только постоянно пополняемые корпуса текстов могут в той или иной мере его отразить.

Однако до сих пор в нашей науке не изжит скепсис по поводу корпусов (а также по поводу опроса информантов – носителей родного языка исследователя)¹. Нижеследующие заметки призваны подорвать такого рода скепсис.

Имеет смысл коснуться проблемы характеристики извлеченных из корпуса примеров, приводимых в настоящей работе, с точки зрения соотнесения нормы и узуса. Некоторые примеры могут показаться не вполне отвечающими современной литературной норме; читатели могут усмотреть в каких-то случаях особый художественный эффект, а тогда использование окрашенного индивидуальным стилем примера в качестве аргумента против какого-либо семантического описания представляется неправомерным. Автор должен подчеркнуть, что в большинстве случаев в качестве примеров для настоящей работы он старался отбирать такие корпусные

---

¹ Меня не так давно поразила характеристика корпусов как «бича», высказанная одним высокоавторитетным лингвистом в электронной переписке со мной: «люди, вместо того чтобы тщательно размышлять над возможными контекстами употребления лингвистической единицы, получают их одним нажатием кнопки». Непонятно, как «нажатие кнопки» может препятствовать какому-либо размышлению – по-моему, в случае корпусов оно всячески споспешествует такому размышлению. Впрочем, всё это напоминает враждебность по отношению к любым благам цивилизации – например, к транспорту: в самом деле, транспорт – сухопутный или водный – отвращает некоторых от таких полезных способов передвижения, как ходьба или плавание.

контексты, которые представляются ему либо безукоризненными с точки зрения нормативности, либо в самой небольшой степени нарушающими норму; в этом последнем случае контекст из корпуса, как правило, оказывается возможным простым способом превратить во вполне нормативный и при этом сохранить то языковое явление, описанию которого данный контекст противоречит. Отмечу также, что примеры преимущественно брались из художественной и публицистической прозы последних сорока лет (причем примерно половина относится к текущему столетию); четыре примера принадлежат прозе XIX столетия.

1. Глагол *промахнуться* / *промахиваться*

Одно из поразительных «открытий», извлеченных из НКРЯ, – это разрушение старинного лингвистического мифа по поводу глагола *промахнуться* / *промахиваться*, который (миф) состоит в следующем: из четырех семантических актантов этого глагола – агенс, объект-мишень, инструмент, средство – только первый может быть синтаксически выражен при данном глаголе; тем самым получается, что у этого глагола при четырех семантических имеется только один синтаксический актант. Иными словами, если при таком глаголе, как *выстрелить*, можно выразить все четыре семантических актанта – *Он выстрелил в утку из винтовки разрывной пулей*, то при *промахнуться* – якобы только один: *Он промахнулся*.

Этот миф бытует в отечественной лингвистике более тридцати лет. Насколько мне известно, впервые об этом было четко сказано в статье [Мельчук, Холодович 1970: 112]: «Этот глагол описывает ситуацию с четырьмя актантами (или, по крайней мере, с тремя – если не учитывать факультативное орудие). Однако синтаксических актантов у *промахнуться* – не четыре и не три, а только один». В вышедших через четыре года классических работах [Мельчук 1974: 134–135; Апресян 1974: 148] по поводу *промахнуться* авторы высказались осторожнее: этот глагол неохотно присоединяет любой семантический актант кроме агенса, однако в особых случаях такое всё-таки возможно. В последующем развитии семантической теории эти оговорки были полностью забыты. Не знаю, как отнеслись бы к такому сильному семантико-синтаксическому утверждению по поводу частного факта русского языка те его носители, которые не искушены в лингвистике, а просто и ясно воспринимают факты родного языка, но лингвисты восприняли это совершенно безропотно, и мне неизвестны попытки опровергнуть это утверждение. Глагол *промахнуться* стал расхожим, «классическим», примером лексем с несоответствием наборов семантических и синтаксических актантов; см., например, [Плунгян, Рахилина 1998: 110; Mel'čuk 2004: 41–42]. На недавней конференции по теории Смысл – Текст миф о *промахнуться* был повторен в докладе [Плунгян, Рахилина 2005: 380], и это тем более удивительно, что авторы принадлежат к числу наиболее активных лингвистов, разрабатывающих и использующих НКРЯ, а в состав корпуса на сайте НКРЯ включен текст только что упомянутой их совместной работы [Плунгян, Рахилина 1998], контексты из которой выдаются на запрос «промахнуться».

Между тем поиск в НКРЯ по данному запросу дал совершенно непредсказуемый результат (по 583-м употреблением данного глагола):

(1) объект-мишень выражен в 21-м случае (т. е. 3.6% от всех употреблений), причем в 9-ти посредством группы с предлогом *мимо* (*Враг, используя порченную карту для нанесения*

ударов и продвижения войск, **промахивается мимо целей** – А. Проханов, 2001), в 4-х – с предлогом *по* (*Первый бандит, так неудачно промахнувшийся по «мишени», был жив, но в беспамятстве* – А. Измайлов, 2001), в 4-х – с предлогом *в* (<...> *динамовский защитник умудрился промахнуться в пустые ворота с метра* – Е. Чежегов, 2001);

(2) имеются контексты, в которых выражены инструмент (причем совместно с мишенью) и средство: *Портрет человека, который убил Усмана, снес взрывом стену в ресторане «Стейк-хауз», уложив троих или четверых, включая танцовщицу, и по чистой случайности промахнулся в меня из снайперки с крыши «Титаника»* (В. Скворцов, 2001)²; *Рука Виктора коротко — неуловимо — соскользнула с бедра, — он молнией вырвал наган — и всадил две пули рябому в грудь и третью — в его товарища... но третьей промахнулся!* (С. Бабаян, 1995–1996);

(3) при *промахнуться* может быть выражен смысл ‘расстояние между агенсом и мишенью’ посредством группы с предлогом *с* (+ род. пад.) [в старинном языке – группы с предлогом *на* (+ предл. пад.)] (*С такого расстояния Байрам едва ли промахнется* – А. Троицкий, 2000; <...> *на шести шагах промахнуться трудно* – М. Лермонтов, 1839–1841³);

(4) при *промахнуться* может быть выражен смысл ‘расстояние между средством и мишенью’ посредством группы с предлогом *на* (+ вин. пад.) (*Он промахнулся сантиметров на пять* – О. Куваев, 1970–1975).

Многие примеры из НКРЯ, относящиеся к указанным случаям употребления *промахнуться*, воспринимаются как совершенно естественные, лишённые какой-то «особости», «противопоставительности» или «уступительности»; можно лишь утверждать, что выражение неагенса при *промахнуться* не столь распространено, как, скажем, при *выстрелить*. И тогда становится ясно, что миф о невыраженности трех семантических актантов при *промахнуться* рассыпается как карточный домик при столкновении с той языковой реальностью, которую предоставляет корпус; кроме этого, корпус даёт такой материал по этому глаголу, который отсутствует или на который обращается малое внимание в лингвистических описаниях.

2. Возвратный перфективный пассив

В работе [Перцов 2003] приведены многочисленные примеры, подтверждающие языковое существование русских глагольных форм возвратного перфективного пассива (типа *Книга довольно быстро раскупится / раскупилась публикой*), которые нередко отвергаются в учебниках, грамматиках и исследованиях. К материалу указанной работы добавлю данные из прозы А. Азольского, извлечённые из НКРЯ:

² Ср. утверждение о невозможности этих синтаксических актантов в [Mel'čuk 2004: 42]: *Я промахнулся *в медведя *из винтовки*. Примеры из корпуса опровергают это утверждение.

³ Данный пример из Лермонтова выглядит устаревшим, однако его легко «осовременить»: фраза *С шести шагов промахнуться трудно* представляется вполне добротной для современного узуса.

*Кресла, правда, в наличии нет, но диван имеется, на нём и **разгадалась** бы вековая философская тайна; <...> Андрей был в кабинете главного технолога своего ОКБ, когда там **повелся** разговор о строптивном аппарате; Когда всё, что было на ней оголённого, **осыпалось** поцелуями <...> девушка потянулась и сомкнула лопатки <...>; Не будет отныне гнилья в магазинах, с колхозных и совхозных полей **развезется** по домам горожан и сельчан вкусная, цельная, насыщающая всё население страны картошка <...> мускульная сила сельскохозяйственных рабочих **употребится** на другое <...>; Рюмка приблизилась к губам, сладострастно **опустошилась**.*

3. Глагол *иметь* как лексическая функция при акциональном существительном *влияние*

В статье [Апресян 2004], где у существительного *влияние* выделяются два значения (с. 26) – акциональное *влияние1* (квазисинонимичное *воздействию*) и *влияние2* как название свойства (квазисинонимичное *авторитету*), – утверждается (с. 27), что с глаголом *иметь* в современном языке сочетается только *влияние2*, а «примеры типа *Эта книга всегда имела сильное на него влияние* (А.С. Пушкин), где *влияние1* сочетается с глаголом *иметь* в качестве OPER1, в современном языке явным образом устарели» (с. 27 примеч. 16). Этому противоречат данные НКРЯ, где из 59 контекстов с сочетанием *иметь влияние* 21 контекст относится к текстам, созданным в последние 30 лет, а из них в 15-ти контекстах реализуется именно *влияние1* (оно управляет группой с предлогом *на*); вот первые три таких примера: «*Далеко не все кредиторы этих организаций смогут **иметь влияние** на ОАО «РЖД», — сказал он «Известиям» («Известия», 2003.01.11); *Когда человек, **имея влияние** на ход политических процессов, старается не привлекать к себе внимание и не занимать должностей с громкими названиями, к нему прикрепляется ярлык — «серый кардинал» («Итоги», 1996.09.20); *Не только в Ираке, где Россия берется спасти Америке лицо, не только в Северной Корее, на которую только Россия **имеет влияние**, но и во множестве разных других ситуаций («Спецназ России», 2003.01.15).***

Верно, что при существительном *влияние1* чаще выступает в качестве OPER1 именно глагол *оказывать* (НКРЯ дает 195 контекстов на запрос «оказывать влияние»), однако и глагол *иметь* в такой роли сбрасывать со счетов для современного языка в свете приведенных данных не следует. Представляется, что два этих OPER'а не идентичны по смыслу: *оказывать* более акционально, чем *иметь*.

4. Расхождения с корпусными данными в книге о русской языковой картине мира

В этом разделе собраны случаи расхождения с данными из НКРЯ в книге [Зализняк и др. 2005], посвященной отражению в языке некоторых ключевых идей русской языковой картины мира (РЯКМ); в этой книге на основе языковых данных делаются весьма ответственные утверждения, относящиеся к фрагментам РЯКМ. Мне представляется, что в случае такого рода утверждений необходимы предельно внимательное отношение к корпусным данным и обширный опрос информантов: опора исключительно на языковое чутье исследователя может приводить к неадекватным выводам, поскольку языковое чутье может давать сбои. Обратимся к материалу книги.

(4.1) «С вечера означает ‘начиная накануне вечером деятельность, основная часть которой запланирована на следующий день’» (с. 48). Прежде всего, непонятно, почему в приведенном толковании присутствует ‘деятельность’, ср. пример, взятый из 390 контекстов, выданных в НКРЯ на запрос «с вечера» (наряду с другими подобными): *Но с вечера в избе беспрерывно визжал месячный поросенок — в хлеву Дуня его не держит, опасаясь, как бы не замерз* (А. Яшин); в этом примере визг поросенка охарактеризовать как ‘деятельность’ не представляется возможным, не выражена здесь и какая бы то ни было ‘запланированность’. Можно было бы попытаться удержать идею «переноса» (чего-либо) на следующий день, однако и это не проходит: разве нельзя сказать, скажем, в одиннадцать часов вечера *Он пьян уже с вечера*, не выражая при этом ни идеи деятельности, ни запланированности?

Еще один пример из НКРЯ: *Середина августа. Жарко. Большие месяца нет дождя. С вечера желтое слепящее солнце тонет в багровом закатном дыму. Утром оно поднимается в том же багровом тревожном мареве и начинает палить. Земля пересохла. Вечером, в огороде, льешь и льешь воду* (Б. Екимов). Ни о деятельности, ни о запланированности здесь речь не идет, однако верно, что здесь сопоставляется вечернее солнце и солнце, поднимавшееся на следующее утро; при этом, думается, такое описание не исключено и с точки зрения момента позднего августовского вечера, когда солнце еще не зашло.

(4.2) «<...> бродить или разгуливать могут и животные <...>, а прогуливаются или слоняются только люди» (с. 77). Некоторые примеры из 290 контекстов с глаголом слоняться противоречат этому утверждению: **СЛОНЫ СЛОНЯЮТСЯ БЕЗ ДЕЛА** («Парадокс», 2004.05.01) (впрочем, здесь имеет место игровой паронимический контекст); *В прихожей салона-парикмахерской, где хозяева ожидают своих четвероногих любимцев, слонялись два черных терьера Леха и Зая* (И. Фрумкин, «Известия», 2001.09.25); *Я чувствовал, что мое присутствие как-то освежало обстановку в доме, где часто и, казалось мне в ту пору, беспричинно раздражались люди друг на друга, психовали, вечно чего-то искали, и без конца трещал телефон в прихожей да слонялся из комнаты в комнату огромный добродушный кобель Карай <...>* (В. Астафьев)⁴. Аналогичный материал предоставляет НКРЯ и для глагола прогуливаться: *С весной в маленьком Эдеме появляются новые жители: в скворечниках и синичниках слышен писк птенцов, молодые дрозды, пока еще не умея летать, прогуливаются по газону, а подберезовики и белые грибы можно срывать не сходя с дорожки сада* (Д. Князева); *Например, однажды мой кот Фемистоклюс как-то по-особенному хладнокровно и не спеша прогуливался по дивану, мурлыкая себе под нос популярную мелодию* («Свободный курс», 1997.01.23).

⁴ Любопытны примеры из НКРЯ, иллюстрирующие переносные метафорические употребления глагола слоняться, не отраженные в основных русских словарях: <...> документы, необходимые для реализации ряда реформ, практически не подписываются главой правительства, бумаги в формате «согласований» слоняются по ведомствам <...> (ПОЛИТКОМ.РУ, 2003.04.17); *Кривой стол, слоняющаяся по углам проводка, потолок, катившийся навстречу полу, пол, падавший в угол, — как на рисунках Шагала к «Мертвым душам»* (В. Березин); *В эту ночь спать я не ложился, а слонялся по заснувшему поселку, не ощущая усталости, переполненный новым, неизвестным мне чувством, и радость слонялась со мной по пустынным фирсановским улицам* (Б. Левин); *За освещенными окнами слонялись тени, занятые вечерней обыденностью <...>* (Ю. Давыдов).

(4.3) «В некоторых контекстах *шагать* означает то же, что *перешагивать*; ср. *шагать через лужи* <...> *Ступать* в подобных контекстах невозможно; ср. неправильное **ступать через лужи* при естественном *ступать по лужам*» (с. 85). Запрос «ступать через» дал 11 контекстов, из которых в одном мы имеем *через* временное (*через секунду*), в двух – *ступайте через мост* (А. и Б. Стругацкие), *ступила через лакейскую в соседний, особый, темноватый кабинетик* (Г.П. Данилевский, 1863) – значение ‘перешагивать’ усмотреть нельзя, один случай сомнителен – *три-четыре девчонки* <...> *ступали через границу у реки* (М. Рощин, Т. Бутрова), но в семи контекстах (из которых в шести имеется сочетание *через порог*) выражается именно смысл ‘перешагивать’, ср.: *Рука юноши не цеплялась, как прежде, только за ворот, без стеснения он держался мягкой рукой прямо за шею ступающего через ручей Рубахина* <...> (В. Маканин).

(4.4) «Еще одной особенностью глагола *добираться* (в несов. виде) <имеется в виду *добираться* в значении перемещения> является то, что он ни при каких условиях не сочетается с отрицанием: **Я не добирался домой / в Калугу / на дачу к Петру*» (с. 102). Из 22 контекстов, выданных на запрос «не + добираться, несов», шесть относятся к фигуральному перемещению, однако имеется три контекста, где несомненно отрицается перемещение (в физическом пространстве) с преодолением трудностей: *Сюда никогда не добирались миссионеры* (О. Куваев); *Если из Иванкова никого не было, передавали в Демидов, оттуда в Дымер и так далее, пока она не добиралась по адресу* (А. Кузнецов); *Кое-кто до Крындина не добирался, застревал в частях на передовой, их разыскивал сам Костенецкий* <...> (А. Азольский).

(4.5) «<...> слово *счастье* не может обозначать ни событие (оно не может наступить, произойти, случиться и т. п.), ни его переживание» (с. 164). По запросу «счастье + наступать (не более 5 слов между ними)» выдано 10 релевантных контекстов, ср.: <...> *в России счастье, по прогнозам российского президента, наступит только в 2010 году* («Известия», 2001.10.30).

(4.6) «*Быт* может быть только там, где человек ж и в е т (*домашний, дачный, больничный, лагерный, тюремный быт*, но не **гостиничный, производственный, институтский быт*)» (с. 176). Мое языковое чутье допускает все три отвергаемых сочетания (особенно странно выглядит отвержение первого: в гостинице люди тоже живут, хотя и временно, и непонятно, чем в этом аспекте гостиница отличается от больницы или лагеря), а с последним в НКРЯ обнаруживаются три контекста, ср.: *Вообще тяжкий институтский быт и строгие порядки – навязчивая тема многих воспоминаний* (И. Кулакова).

(4.7) В толкование выражения (с. 325) *X-у довелось сделать Р* введен компонент (в составе пресуппозиции) ‘если Р имеет место, это хорошо’, который комментируется следующим образом: «В довелось событие Р является положительным не само по себе, а потому, что оно обогатило жизненный опыт субъекта, ср.: *Мне довелось побывать на войне*». Из 52 контекстов, выданных на запрос «довестись», немало таких, которые противоречат положительной оценке события, в особенности таковы следующие примеры, в которых даже оговорка про «жизненный опыт» вряд ли может быть сочтена

справедливой: *Изматывало высокое давление, заработанное в годы послевоенного выживания, когда довелось ходить с протянутой рукой* (В. Крейд); *Когда нас встретила на вокзале довольно большая и громкая бригада писателей, Николай Михайлович <Рубцов> стоял чуть в стороне, глаза его приветливо искрились, в левом углу рта присутствовала та его притаенная, хитроватая улыбка, с которой лежать ему доведется и в раннем, трагическом гробу* (В. Астафьев); ... *по воле случая я шёл в похоронной процессии, ужасаясь зрелищу, свидетелем которого мне довелось стать* (В. Катаев).

Следует признать, что в большинстве контекстов Р все-таки трактуется в положительном ключе, причем иногда в отрыве от какого бы то ни было «обогащения жизненного опыта», например: *К утру я смирился с тем, что увидеть её живой уже не доведется, и поневоле стал искать плюсы этого положения* (А. Волос); *И вот ещё что отпечаталось в оттенках, в подробностях, с переливами. Тот первый после похорон бабушки приход к Ганчукам, после ученого совета, на котором довелось не быть, но до второго мартовского собрания* (Ю. Трифионов). Однако если авторам этот компонент был важен, его следовало бы ввести в толкование явно и процитированную выше строку пресуппозиции заменить, скажем, на такую: 'Р оценивается положительно или Р обогащает жизненный опыт субъекта'.

Я полагаю, что и коррекция такого рода не вполне адекватна, поскольку встречаются контексты с глаголом *довестись*, в которых положительную оценку события, или обогащение жизненного опыта субъекта усмотреть затруднительно. Мне представляется, что в таких случаях уместна какая-то особая «метка» при компоненте толкования, фиксирующая высокую вероятность реализации этого компонента и вместе с тем допускающая возможность его элиминирования.

(4.8) «В современном языке невозможно говорить о *блага* вообще, безотносительно к конкретному случаю <...>» (с. 354). Вот противоречащие этому категоричному утверждению словосочетания, извлеченные из корпуса: *желание потрудиться для блага отечества; служение на благо сирот; направить усилия к общему благу; общественное благо*⁵; *Он никогда не приносил стране блага* и др.

(4.9) Относительно глагола *обидеться* утверждается (с. 380), что если актант Z 'причина' – это кто-то или что-то субъекту X дорогое, а не «слова или поступок» субъекта, тогда при *обидеться* «совмещение валентностей на Y-а и за Z невозможно: *Я обиделся на Ивана за Васю». В корпусе находим противоречащий пример: *Соотечественники всё-таки обиделись на него и за себя, и за человечество* (Ф. Искандер).

(4.10) При анализе противопоставления *совестно* и *стыдно* говорится: «<...> в ведении совести находятся п о с т у п к и , т. е. контролируемые субъектом его собственные действия, – в то время как к области стыда относятся самые разные обстоятельства, в том числе вовсе от субъекта не зависящие (как, например, происхождение или произношение); *стыдно* вообще может быть и за чужие действия» (с. 394). Вот пример из корпуса, в котором субъекту *совестно* тоже за действия других: *Если*

---

⁵ Впрочем, *общее / общественное благо* можно отнести к клишированным сочетаниями.

она чего-то хотела в жизни, то знала лишь один путь получить желаемое: заработать. «Мне никогда не было стыдно делать любую работу. Считаю, что всякое действие лучше, чем бездействие. И мне **совестно** за тех людей, которые жалуются на жизнь, но при этом ничего не делают», — объясняет Кузнецова («Рекламный мир», 2003.03.30). — Несколько ниже в скобках отмечается: «<...> употребление слова *совестно* предполагает <в отличие от *стыдно*> апелляцию к морали». И это опровергается материалом корпуса, ср.: **Совестно** было нести переписанное к отцу, я проклинал свою неспособность, глупость, малодушие (Н. Никитина); ... не **совестно** ли, как мальчишке, просить совета у дяди? (В. Шукшин); **Задёшево** купил, даже **совестно** сказать, три рубля за него отдал всего (Я. Козловский); Главное – глухота меня стесняла. **Совестно** было отвечать невпопад и переспрашивать тоже (А. Митрофанов).

Я не возражал бы против такого анализа, если бы утверждения носили не столь категоричный характер и если бы в них говорилось не о непреложных фактах языка, а о тенденциях.

(4.11) «<...> прилагательное *развратный* <...> может быть соотнесено только со значением сексуального *разврата* <...>» (с. 426). Нет, не только с этим значением, как свидетельствуют примеры из корпуса: *Но тем не менее, как всегда, быстро и ловко накрыла превосходный стол, на котором царила большая **развратная** индейка* (С. Штерн); *Но, например, в жаркий летний день купить на улице мороженое он считал глупой и даже **развратной** тратой денег* (Ф. Искандер); <...> *подоконники ежедневно были забиты какими-то **развратными** тортами* <...> (М. Палей).

(4.12) «<...> слово *разврат* <в несексуальном значении> употребляется только в позиции именной части сказуемого <...> Что же касается слова *разложение*, то оно характеризует конкретную ситуацию <...>» (с. 431–432). Первое из приведенных высказываний для меня столь очевидным образом ошибочно, что обращение к корпусу было вызвано только желанием получить примеры из реальных текстов (а не извлекать их из собственной головы): *Разумеется, предлагаемый нынче флаг есть дите компромисса, а не **разврата**, — каждой твари по паре* <...> (А. Черкизов); *Добрых сто лет римские лидеры воспринимали греческую ученость с подозрением или отвращением — как особую форму умственного **разврата**, способную лишь подорвать исконную римскую доблесть* (С. Смирнов); *Скатывание в старое искусство, к старым идеям обязательно влечет за собой мещанскую мораль, **разврат** (не столько физический, сколько идеологический, финансовый и пр.)* (Г. Бурков); *Я даже думаю, что льготы эти тоже явились причинами **разврата** нашей словесности наравне с паническим страхом и Ленинскими премиями* (В. Рецетпер). Что же касается утверждения по поводу слова *разложение*, не думаю, что извлеченные из корпуса словосочетания *стремительное разложение органов правопорядка, дальнейшее разложение государственной власти* и т. п. характеризуют «конкретную ситуацию» — как кажется, они представляют собой общие характеристики ситуации.

5. Употребление частицы *еще* в контексте будущего времени

В работе [Levontina, Shmelev 2005] выделяется особое употребление частицы *еще*

в контексте будущего времени, существенно отличающееся, по мнению авторов, от её значений, выделенных в книге [Богуславский 1996: 258–291] (аддитивного с его двумя разновидностями, ударной *Я приеду к вам еще* и неударной *Я еще съем десерт*; континуативного *Я еще здесь побуду* и др.), и не имеющее коррелятов в других грамматических временах. Обсуждаемое употребление иллюстрируется такими примерами (среди прочих): *Но можно не сомневаться, что Цымбаларь еще удивит нас* («Известия», 2001.08.07); *Мы еще оденем вас шелками <...>* (Я. Смеляков); *Ты еще пожалеешь*. Позволю себе в рабочем порядке присвоить выделенному авторами употреблению *еще* терминологический ярлык «еще нескорое» (опираясь на название раздела обсуждаемой работы «Not so fast!»). На основе изложения в [Levontina, Shmelev 2005: 263–265] можно составить следующую сводку компонентов для возможного толкования *еще* нескорого: (1) «полемический контекст»: имеют место некоторые обстоятельства, противоречащие тому, как реально будут разворачиваться события; (2) событие не будет иметь место непосредственно сразу после момента речи; (3) в момент речи ситуация такова, что невозможно делать какие-либо предсказания, т. е. что рано делать какие-либо умозаключения. Говорится о том, что последний компонент обуславливает два «прагматических контекста» для *еще* нескорого: 1) «еще не поздно» (*Ты у меня еще пожалеешь*); 2) «еще не всё потеряно, не нужно огорчаться» (*Ты еще всех нас переживешь*). Далее утверждается «прагматическая обязательность» употребления *еще* нескорого в тех случаях, когда говорящий указывает на необходимость для себя или другого от чего-либо отказываться и утешает при этом себя или другого: *Да ты еще 10 раз съездишь на Кипр!*; *Да она еще сама к тебе прибежит!* Утверждается недопустимость *еще* нескорого при указании в высказывании на условие реализации будущего события (*Стучите, и откроют вам*; *Позвоните, и я приеду*; *Если что, я помогу*), на (возможное) непосредственно следующее за моментом речи действие (*В глаз дам!*; *Стой, стрелять буду*), на точное время будущего события (в связи с чем высказывание *Я еще приеду на море через неделю* – с акцентно выделенным глаголом – характеризуется как «странное»).

Прежде чем обращаться к данным корпуса сделаю некоторые замечания к предложенному описанию.

Не вполне понятно, относят авторы перечисленные выше свойства ко всем или только к некоторым употреблениям *еще* нескорого. Судя по заглавию раздела их работы, конституирующим для этого *еще* является компонент нескорого наступления будущего события; однако ключевой для авторов пример – фраза *Я еще вернусь* – вполне уместна, скажем, в ситуации, когда говорящий покидает аудиторию на несколько секунд и хочет воспрепятствовать возможному беспокойству слушающего по поводу его ухода (т. е. «полемический контекст» и отсутствие оснований для умозаключений могут выполняться, а нескорое наступление события нет). – Вызывает сомнение уместность характеристики употребления *еще* в упомянутых случаях необходимости отказа от чего-либо и утешения по этому поводу как «прагматически обязательного», и это сомнение связано с двумя обстоятельствами. 1. В приведенных авторами примерах нужное содержание остается также и без *еще* (т. е. *еще* лишь усиливает это содержание): *Да ты 10 раз съездишь на Кипр!*; *Ты встретишь настоящую любовь*; *Да она сама к тебе прибежит*⁶. 2. Даже если согласиться с тем, что это содержание привносится именно частицей, уместно ли здесь

⁶ Авторы, правда, находят эти фразы без *еще* «странными»; если по поводу первых двух с ними кто-то и может согласиться, то третья представляется безукоризненной.

говорить об «обязательности» частицы? Фраза без *еще* имеет один смысл, в коррелятивной фразе с *еще* к нему добавляется новый, привносимый этой частицей; это обычный для языка феномен композиции смыслов. Уместно ли, скажем, говорить об «обязательности» наречия *завтра* для смысла 'в день, непосредственно следующий за текущим' в ситуации, когда требуется выразить этот смысл?⁷

Теперь обратимся к материалу корпуса.

Все примеры на *еще* нескорое в [Levontina, Shmelev 2005] содержат контексты с глаголом в будущем времени, ориентированные относительно момента речи, однако это не обязательно, ср. примеры из корпуса, где *еще* нескорое подчиняется инфинитиву, а обозначенная последним ситуация, ориентированная относительно некоторого момента в прошлом, мыслится как следующая за этим моментом: *Жодар после игры не стал корить своих подопечных или арбитра, а лишь пообещал «еще вернуться за положенным золотом, возможно – в другой возрастной категории»* (Д. Навоша); *Не без сожаления я оставил бобровый пруд, надеясь еще вернуться в эти места через пару недель* (Д. Иванов).

Надо сказать, корпус дает примеры таких употреблений *еще*, которые затруднительно соотнести с какими-то определенными из выделяемых лингвистами значений и употреблений, ср. подборку таких примеров: *Цветной телевизор. М-да, я бы тоже был не против совершить такую редкую в наши дни покупку. Отец Мухина, между прочим, вы тоже поедете сейчас с нами. Знаете ли, так будет спокойней, а то ещё уедет поезд без вас* (О. Павлов); — *Пойдём, Люба, домой, — тронул я девушку за плечо. — Не хоча больше с тобой ругаться. — Пойдём, пойдём. Ты ж без белья, ещё простынешь* (В. Астафьев); *Совсем осатанели. Ты вот что. До рассвета никуда. Всюду наши патрули по дорогам и селеньям – ещё застрелят, не разобравшись, в потёмках* (В. Астафьев); *Когда я поставил коробку на прилавок, девушка стряхнула пепел и посмотрела на меня с некоторым интересом. — Надо бы наполнить, — пояснил я. — Товару хватит? — Ещё останется, — успокоила она, гася сигарету* (А. Волос); *В первый же день я попал в лапы «Коза Ностра». Однако зачем я им? Для чего мафии нужен отнюдь не богатый Москвич, без особенных прав на американское жительство, с блохой на поводке? А вдруг ещё укукошат?* (В. Аксенов).

Рассмотрим для определенности фрагмент из первого примера этой подборки: ... *а то ещё уедет поезд без вас*. Представляется, что употребленное здесь *еще* нельзя без натяжек соотнести ни с одним из выделяемых значений этой частицы. Здесь не имеется в виду ни протекание в течение некоторого времени имеющей место ситуации, предполагаемое континуативным *еще*, ни указанные выше компоненты толкования нескорого *еще* («полемический» контекст, нескорое осуществление будущего события и

---

⁷ В качестве другого примера «прагматической обязательности» частицы приводится употребление *вдруг* в условных предложениях как показателя малой вероятности предполагаемого условия: *Если вдруг Петя позвонит, скажи ему ...*; при этом фраза без *вдруг* характеризуется как выражающая достаточно высокую степень вероятности события [Levontina, Shmelev 2005: 259]. Таким образом, отсутствие / наличие *вдруг* в таких фразах представлено не как привативная, а как эквиполентная оппозиция, что выглядит явной натяжкой. В условных предложениях без *вдруг* по поводу вероятности условия может не сообщаться ровным счетом ничего; более того, лишнее *вдруг* условное предложение может использоваться и в ситуациях очень малой или даже нулевой вероятности события: *Если Петя проживет 300 лет, ..(вдруг здесь выглядит странно)*. Тем самым, понятие «прагматическая обязательность», столь существенное для концепции «неустрашимых частиц» в статье [Levontina, Shmelev 2005], оказывается по меньшей мере непроясненным.

отсутствие оснований для умозаключений), ни добавление чего-либо к некоторому компоненту текущей ситуации, предполагаемое аддитивным *еще*. То же, думается, относится и ко всем другим примерам данной подборки. – Что же общее можно усмотреть в них и в других употреблениях *еще*?

В заметке [Перцов 2002] предложены предварительные формулировки семантических инвариантов для частиц *уже* и *еще*. Были намечены инварианты в двух видах – конкретно-временном и абстрактно-шкальном. Ниже даются обновленные формулировки в обоих видах.

Конкретно-временные инварианты

уже *P* ориентирует ситуацию *P* относительно её начала, т. е. некоторого момента, предшествующего текущему моменту, иначе – такого положения дел, когда ситуации *P* не имела места

еще *P* ориентирует ситуацию *P* относительно её окончания, т. е. некоторого момента, следующего за текущим моментом, иначе – такого положения дел, когда ситуации *P* не будет иметь места

Абстрактные инварианты

уже *P* ориентирует ситуацию *P*, располагающуюся на некоторой направленной шкале, относительно предшествующих значений этой шкалы (относительно её начального, «слабого» полюса, если таковой имеется, т. е. если шкала не является бесконечной в направлении убывания её значений)

еще *P* ориентирует ситуацию *P*, располагающуюся на некоторой направленной шкале, относительно последующих значений этой шкалы (относительно её конечного, «сильного» полюса, если таковой имеется, т. е. если шкала не является бесконечной в направлении возрастания её значений)⁸

Следует отметить, что конкретно-временные формулировки не являются оригинальными: в том или ином виде они были намечены и в работах других исследователей – в частности И.М. Богуславского [1996: 230, схема на с. 240]. Полагаю, что ими охватываются не только обычные примеры употребления рассматриваемых частиц при глаголах (*Папа уже / еще спит*), но и их употребление при именных группах для временной локализации ситуации – типа *Об этом знали уже / еще в Средние века* [там же: 238], в которых и та и другая частица подчеркивает временную отдаленность события от текущего момента. Однако «если *еще* подчеркивает отдаленность события от

---

⁸ По поводу предлагаемых формулировок инвариантов необходимо повторить то, что было сказано в [Перцов 2002]: автор отнюдь не претендует на охват посредством этих формулировок ВСЕХ мыслимых употреблений двух русских фразовых частиц; это не более чем попытка разглядеть контуры таких инвариантов.

говорящего тем, что выводит событие из его времени, то *уже* делает это утверждая, что событие незначительно удалено от предшествующей точки отсчета [там же: 240] (разрядка Богуславского). Итак, и в случае таких употреблений на временной шкале *уже* ориентировано ретроспективно, а *еще* проспективно.

Что же касается абстрактных формулировок, в [Перцов 2002] проиллюстрирована их применимость для анализа не чисто временных употреблений частиц, ср. некоторые примеры и их анализ из этой работы: *Дети поняли решение отца уже / еще по его взгляду* (в иерархической совокупности явлений, по которым дети могли распознать решение отца, *уже* ориентирует взгляд отца как нечто находящееся близко к «слабому» полюсу этой иерархии, а *еще* как бы присоединяет взгляд отца к ряду уже воспринятых детьми признаков, добавляет его к «концу» этого ряда); *Влюбленные встретились уже / еще в саду* (на шкале совокупности возможных встреч влюбленных *уже* оценивает сад как лежащий близко к её «слабому» полюсу, а *еще* добавляет сад к совокупности других мест, где влюбленные встречались, в качестве завершающего, «конечного» пункта); *Пирог с черникой еще вкуснее, чем с яблоками* (на шкале «невкусности / вкусности» *еще*, характеризуя оба пирога как вкусные, подчеркивает большую близость черничного пирога к её положительному, «правому», полюсу, чем яблочного); *Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание* (Пушкин) (на иерархической «шкале» явлений, вносящих разнообразие в жизнь уездной барышни, – «звон колокольчика» < «поездка в ближний город» > < «посещение гостя» – *уже* располагает первое явление, обладающее весьма низким статусом на этой шкале, близко к её «слабому» краю, т. е. к «началу»); *Помнишь, высокий такой, еще на заводе у нас работал* (на «шкале», ранжирующей по степени содержательности возможные сведения об обсуждаемом лице, его деятельность на заводе оценивается посредством *еще* как более содержательный факт, чем его рост, т. е. она ориентируется в положительном направлении шкалы).

Вернемся к временным употреблениям *еще*. Думается, общая конкретно-временная формулировка также охватывает и все примеры из приведенной выше подборки из корпуса, и употребления *еще* нескорого: ситуация рассматривается проспективно – относительно некоторого последующего момента, в который она должна завершиться. Тем самым все конкретные употребления *еще* – континуативное, аддитивное, нескорое ... – оказываются на деле просто «вариациями на тему», причем имеются такие «вариации», которые нельзя или затруднительно подвести под рубрику какого-то конкретного значения. К этому выводу приводит скрупулезное изучение корпусных данных.

Экскурс. О статусе слова как единицы лексики.

В связи с предложенной выше подборкой контекстов из НКРЯ, содержащих *еще* с «размытым» значением, не укладываемым ни в одно из выделяемых словарных значений этой частицы, имеет смысл затронуть важную проблему единства слова как языковой единицы. Популярны в отечественной лингвистике семантические концепции – теория Смысл – Текст (ТСТ) и Московская семантическая школа интегрального описания языка и системной лексикографии (МСШ) – не придают слову, взятому в единстве всех его лексических значений, статуса отдельной языковой единицы: слово в них трактуется

как простое объединение лексем (слов в определенном значении) с одинаковыми или сходными означающими и обнаруживающими определенные черты сходства означаемыми. Ср. у Ю.Д. Апресяна [2005: 4 примеч. 2]: «В МСШ именно лексема, а не слово, считается основной единицей словаря. Мы говорим лексемами, а не словами; слова суть лексикографические конструкты, формируемые из лексем с совпадающими или очень похожими означающими и означаемыми, в которых обнаруживаются нетривиальные общие смысловые компоненты». Определенно и резко парадоксально по этому поводу высказался И.А. Мельчук в интервью, данному 25 и 28 июня 2005 г. главному редактору издательства «Языки славянской культуры» А.Д. Кошелеву⁹: «Словарь составлен из лексем»; «Слово в обычном смысле слова не существует – это фикция человеческого воображения <...> это самообман; никаких слов нет». При этом можно вспомнить, что в «Курсе общей морфологии» слову как единству лексем еще придавался отдельный концептуальный статус в виде понятия «вокабула» как «парадигматического обобщения лексем» («синтагматическим обобщением» признавалась «фразема») [Мельчук 1997: 346–347].

Следует сказать, что тезис о чисто механическом соединении в слове лексических значений, лишаящий слово статуса единицы языка, идет, разумеется, вразрез с традицией. Ниже предпринимается попытка оспорить этот тезис и тем самым защитить традицию.

В качестве главного аргумента в пользу данного тезиса выдвигается то обстоятельство, что «в норме каждое многозначное слово используется в высказывании в каком-то одном из своих значений» [Апресян 2003: XXIX]. Если выражение «в норме» в данной цитате понимать в том смысле, что всякое употребление слова, характеризующееся более чем одним значением, создает эффект отклонения от «нормы», то это неверно: достаточно вспомнить пример «синкретичного выражения разных значений многозначного слова» в случае *бороться с еретиками* у самого Ю. Д. Апресяна [1974: 181], сославшегося еще на Г. Стерна с его учением об «осцилляции значений» в книге 1931 г. [там же: 179]. Еще раньше Стерна на феномен единства слова обращал внимание в отечественной филологии Ю.Н. Тынянов [1965 (1924): 201]. Можно обратиться также к неоднократно использовавшемуся в литературе примеру из Герцена, приведенному Н.Н. Перцовой [1988: 63], – *Через край полная аудитория была непокойна и издавала глухой, сдавленный гул*, – в котором *аудитория* без какого-либо каламбурного эффекта объединяет значения ‘помещение’ и ‘слушатели’. Таких примеров стилистически нейтральных совмещений значений в главе 4 работы [Перцова 1988] приведено довольно много, при этом там выделены три типа регулярной полисемии, допускающей обыденное, непоэтическое совмещение значений [там же: 72–73] (см. также [Урысон 1995: 6] о «слиянии» в одном употреблении двух значений слова *сердце*). Кроме феномена обыденного совмещения значений, в речи и в письменном тексте случаются употребления слова, так сказать, «в никаком значении», т. е. такие употребления, для которых не подходит ни одно из предлагаемых лингвистами лексических значений, что мы и наблюдали выше в подборке примеров на *еще*. В таких случаях приходится постулировать либо новую лексему (а сколько таких новых лексем придется постулировать?), либо искать другие пути обеспечения единства слова, например, постулировать инвариант,

---

⁹ <http://www.lrc-press.ru/09.htm>, вторая часть, файл melchuk2-2.

объединяющий разные лексические значения в составе одного слова, как это предложено выше для *еще*.

Однако в приведенной цитате из работы [Апресян 2003] выражение «в норме» употреблено скорее всего в смысле «чаще всего», и с этим следует согласиться: действительно, в большинстве случаев словоформа в тексте подразумевает ровно одну лексему из тех, которые выделяются в словарях и исследованиях. Достаточно ли такого большинства для того, чтобы утверждать, что «мы говорим лексемами», я не знаю: это скорее вопрос психолингвистики, чем собственно лингвистической семантики. Я бы выразился осторожнее: «как правило, мы говорим лексемами». Однако даже при принятии такого тезиса лишение слова статуса единицы языка представляется неправомерным.

В самом деле, обратимся к ситуации в фонологии и морфологии. Аллофоны объединяются в фонемы по звуковому сходству; морфы объединяются в морфемы по тождеству означаемого и, как правило, по сходству означающего (плюс определенные критерии их, морфов, распределения); как этические, так и эмические объекты принадлежат системе языка и являются единицами этой системы. По отношению к аллофонам (и, возможно, морфам) высказывание «Мы говорим X-ами» справедливо едва ли не в большей мере, чем по отношению к лексемам: в потоке речи мы произносим звуки, а не фонемы (в случае же слов мы наблюдаем в редких случаях совмещение лексических значений в одном употреблении). Таким образом, фонемы и морфемы – в сопоставлении с фонами (звуками) и морфами – являются «конструктами» – точно так же, как слова в сопоставлении с лексемами (реальными лексическими значениями)¹⁰. Однако, как показывают феномены фонемы и морфемы, «конструктивность» некоторого объекта вовсе не лишает данный объект статуса языковой единицы. В случае слова в его отношении к составляющим лексическим единицам мы наблюдаем параллелизм с объектами морфологического и фонологического ярусов: лексические единицы объединяются в одно слово по сходству означаемого и по тождеству или сходству означающего¹¹.

* * *

В заключение автору остается повторить: на нынешнем уровне развития нашей цивилизации всем лингвистам-русистам, имеющим доступ к электронным корпусам русских текстов, крайне полезно обращаться к корпусным данным. Не следует также пренебрегать опросом информантов – носителей родного языка исследователя.

---

¹⁰ Следует также отметить, что и лексема, как она понимается в ТСТ, тоже является конструктом в сопоставлении со словоформой: лексема объединяет словоформы (и, возможно, аналитические формы) определенного рода. Если признать статус слова как эмической единицы языка, то лексема оказывается двойственной единицей – эмической по отношению к словоформе, но этической по отношению к слову.

¹¹ Следует всё же сознавать, что «изгнание» слова из состава языковых единиц имеет в самой ТСТ некоторое оправдание. Дело в том, что – в отличие от фонемы, морфемы, лексемы (а также фона, морфа, словоформы) – слово как вокабула не находит отражения ни на одном из уровней представления языковых выражений, постулируемых в ТСТ; тем самым в ТСТ, рассматривающей язык как многоуровневое соответствие между смыслами и текстами, для слова в этом соответствии просто не находится места. Однако это ограничение в рамках конкретной теории не должно влечь за собой столь далеко идущие теоретические выводы относительно понятия, овеянного многовековой лингвистической традицией. Психолингвистическую реальность слова как единства лексических значений вряд ли можно отрицать (это признает сам И.А. Мельчук в упомянутом интервью).

Следование этим двум установкам может предотвратить скороспелые утверждения относительно фактов нашего языка как в синхронии, так и в диахронии*.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.

Апресян 2003 – Ю.Д. Апресян. Лингвистическая терминология словаря // Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, О.Ю. Богуславская и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. М., 2003. С. XVIII–XLIX.

Апресян 2004 – Ю.Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 13–33.

Апресян 2005 – Ю.Д. Апресян. О московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–20.

Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. – М., 1996.

Зализняк и др. 2005 – Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М., 2005.

Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <=> Текст». М., 1974.

Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том I: Пер. с фр. М., 1997.

Мельчук, Холодович 1970 – И.А. Мельчук, А.А. Холодович. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.

Перцов 2002 – Н.В. Перцов. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *еще* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 137–144.

Перцов 2003 – Н.В. Перцов. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 43–71.

---

* Я признателен неизвестному мне редакционному рецензенту, направившему мое внимание на проблему анализа и оценки языковых примеров из корпуса по шкале ненормативности и узуальности, что повлекло в ряде мест пояснительные замечания и поправки.

Незадолго до получения вёрстки мне прислал по электронной почте очень существенные замечания И. Б. Иткин; к сожалению, их учесть удалось весьма ограниченно. В частности, И. Б. Иткин отметил, что все примеры с частицей *ещё* в третьем абзаце на странице 238 <в 4-м абзаце на странице 10> кроме предпоследнего (из А. Волоса) укладываются в формулировку «*ещё* опасения»; это значение И. Б. Иткин описал так: «в результате совершения (или несовершения — как у Павлова) действия Р говорящий <...> считает вероятным наступление неблагоприятного события Q». Мой коллега указал также, что в примере из А. Волоса (<*Товару*> *ещё* останется) «значение <...> вообще прямое — товару хватит на коробку и есть ЕЩЁ».

Я полагаю, что этот последний пример колеблется между континуативным и аддитивным значениями *ещё*. Что же касается «*ещё* опасения», его, думается, можно связать с аддитивным *ещё*; как отметил в своей критической вставке И. Б. Иткин, здесь у говорящего проявляется некое «пессимистическое отношение к общему устройству мира», к чему добавляется дополнительное «неблагоприятное событие».

Приношу И. Б. Иткину свою сердечную благодарность за исключительно ценные замечания, за внимательный и тонкий анализ и критику моей работы.

Перцова 1988 – Н.Н. Перцова. Формализация толкования слова: Учебное пособие. М., 1988.

Плунгян, Рахилина 1998 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 108–119.

Плунгян, Рахилина 2005 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. *Приземлиться и промахнуться*: семантические механизмы синтаксических ограничений // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл <=> Текст». М., 2005. С. 374–382.

Тынянов 1965 (1924) – Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965.

Урысон 1995 - Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3–16.

Levontina, Shmelev 2005 – I.B. Levontina, A.D. Shmelev. The Particles One Cannot Do Without // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл <=> Текст». М., 2005. С. 258–267.

Mel'čuk 2004 – I. Mel'čuk. Actants in semantics and syntax, I: Actants in semantics // Linguistics. 2004. 42.1. P. 1–66.